

НОЩЬ

ИЗЪ

Сочиненій Г. ГЕСНЕРА

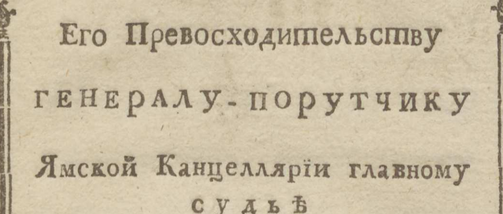
съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ

переведенная

Николаемъ Пороховымъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1777 года.

Его Превосходительству

генералу-порутчику

Ямской Канцелляріи главному судьѣ

и

ордена святыя Анны

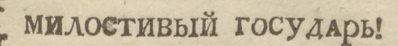
кавалеру

Алексѣю

Логиновичу

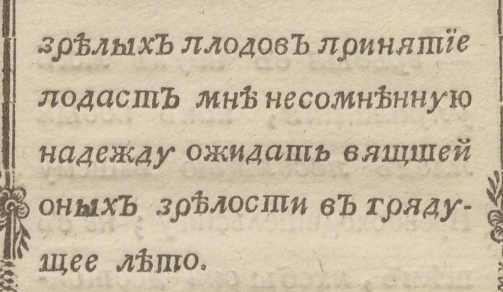
Щербачеву

всепокорнѣйшее приношеніе.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Первыя въ *наукѣ моей упражненїя*, *какъ новый плодъ посвящаю* Вашему Превосходительству; *не съ тѣмъ*, *якобы* они *достойны были* вашего *вниманїя*, но *что долгъ обязуетъ воздать* сїе *дароприношенїе* своему *покровителю*. *Милостивое* Вашего Превосходительства *сихъ недо-*

зрѣлыхъ плодовъ принятіе подастъ мнѣ несомнѣнную надежду ожидать вящшей оныхъ зрѣлости въ грядущее лѣто.

МИЛОСТИВЫЙ. ГОСУДАРЬ!

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга

Николай Пороховъ.

НОЩЬ.

Тихая нощь! сколь пріятно наступаешь ты на меня здѣсь; здѣсь на мшистомъ камнѣ. Я видѣлъ еще тогда Феба, какъ онъ спущаясь за оныя горы скрывался; какъ онъ обращалъ впослѣдніе веселый видъ сквозь тонкую мглу, которая на подобіе златой прозрачной завѣсы отдаленные виноградные горы, рощи и поля освѣщала; вся природа торжествовала его отшествіе въ кроткомъ и обратно багряновидномъ сіяніи, которое на полосатыхъ облакахъ пламенѣло; птицы

А пре-

прекращали приносимое ему пѣнїе, и искали попарно безопасныхъ гнѣздъ; пастырь должайшею тѣнїю сопровождаемый идучи къ шалашу, игралъ свою вечернюю пѣснь, когда я на семъ мѣстѣ заснулъ спокойно.

Тыли, сладкопѣвецъ! нѣжнымъ своимъ гласомъ, или тайно соглядающїй лѣсный богъ меня разбудилъ, или нѣкая устрашенная Нимфа, пробѣгая кустарникъ, шумъ производитъ.

О коль все прїятно зрится въ безпритворной красотѣ! коль

коль спокойно дремлетъ страна меня окружающая! коликое восхищенie! коль тихое разливается въ кипящемъ сердцѣ моемъ колебанie!

Устрашенный мой взоръ прелѣтаетъ темный лѣсъ, покоится на свѣтлыхъ мѣстахъ, которые луна чрезъ густой сводъ трепещущихъ листвiй то на мшистой пень, то на помавающую траву или на зыблющiеся вѣтвiя сквозь черную мрачность разсѣваетъ; часто возвращается онъ поспѣшно трепетенъ, обманчивыми видами изкрмвленныхъ стеблiй,

или въ темнотѣ шумящихъ вѣтвій, или черныхъ тѣней, устрашенный; а отъ туда преплаваетъ по волнамъ, которые какъ будьтобы огни, сверкаютъ на поверхности близъ меня съ шумомъ стремящагося потока. Ибо Луна преходитъ освѣщаемыя вершины деревъ, тонконогими еленями, или имѣющими шумящія крылья и вкругъ извивающееся тѣло, драконами, носимая.

Коль услаждаете обоняніе, вы окрестъ меня растущіе цвѣты! и ты вовремя токмо

тихой нощи разверзающаяся и благоуханiе изливающая фiалка, коль мило дышете вы тамъ въ темнотѣ! ахъ не видно! безъ испещреннаго убору блистающихъ красокъ являетъ васъ нѣжность, которую я нынѣ ощущаю. Вы зыблите въ мягкомъ нѣдрѣ засыпающихъ Зефировъ, которые веселясь кроткими забавами окрестъ васъ чрезъ долгiй день утомились; а когда они пробуждаются, то находятъ вокругъ себя въ чистыхъ лиственныхъ чашахъ собранную росу.

Но кое тамъ тихое скрежетанiе, кое сипкое пѣнiе на

блатныхЪ лугахЪ раздается? Маленкїе зеленые жабки сидятЪ на листвїяхЪ и выводятЪ свою усыпающую пѣснь смѣшенную сЪ грубѣйшимЪ голосомЪ тѣхЪ, которые сидятЪ вЪ близкой водѣ на хребтахЪ плавающихЪ пней, или покоятся вЪ тростникѣ, или поднявЪ вверьхЪ зеленую свою изЪ болота голову лунѣ припѣваютЪ, столь же утѣшаясь хриплымЪ голосомЪ, сколько соловей чувства поражающимЪ пѣнїемЪ. ТакЪ веселится и воспѣваетЪ бѣдный стихотворецЪ своему Меценату, вЪ толикомЪ возхищенїи духа, коликое вЪ себѣ

тупая

тупая его голова вмѣстить можетъ, когда онъ въ сладкой надеждѣ блескъ серебряныхъ блюдъ и чрезъ долгое время невиданную вина полную сткляницу у своего благодѣтеля въ мысляхъ представляетъ, и мнитъ при слабомъ пѣнiи, что онъ не меньше, какъ . . . . и . . . . . при Божественномъ ликовствованiи.

Тамъ за лугомъ возвышается тихо кустами усажденный холмъ, гдѣ между гибкими дубами лунный свѣтъ и черная тѣнь взаимно другъ друга пересѣкаютъ; тамъ пробѣгаетъ ручей, я слышу, я слышу его

шумъ

шумъ; онъ стремится на мшистыя камни, протѣкаетъ пѣною клубяся въ долину, и цѣлуетъ скачущими волками цвѣты на брегу растущїя.

Тамъ то я нѣкогда на злачномъ брегѣ при лунномъ сїянїи нашелъ прекрасную дѣвицу, она лежала въ цвѣтахъ погруженная, въ легкомъ одѣянїи, въ легкомъ, какъ тончайшїя облака; въ которые луна просїявая часто кроется; лютня прикрывала нѣжное плечо и мягкую грудь, на коей перебѣгающая рука прикосновенїемъ громко звенящихъ струнъ, вы-

водила тоны, тоны болѣе въ возторгъ приводящїя, нежели все томное соловья пѣнїе.

Она пѣла; вся натура съ нею соликовствовала, соловей внималъ безгласенъ, возхищенный богъ любви тайно соглядалъ въ кустарникѣ, на лукъ возлегши. Я есмь богъ любви, богъ всерадостнѣйшаго восхищенїя, рекъ онъ самъ въ себѣ; однако сей прелести сему услажденїю, уподобляются у Стикса! только не многїя изъ блаженнѣйшихъ минуты, которыми я наслаждался, съ то-

го времени, какъ я богомъ любви пребываю.

Луна повелѣла своимъ драконамъ не дѣлать шуму крыльями; внимая возлѣгаетъ лактемъ на едину страну серебряной колесницы, и воздыхаетъ, цѣломудренная богиня!

Дѣвица болѣе уже не пѣла, уже эхо въ близкихъ и отдаленныхъ горъ разсѣлинахъ послѣднiй голосъ съ восторгомъ трижды повторило; природа сiю пѣснь совосклицала; соловей сидѣлъ еще на зеленомъ вѣтвiи безгласенъ. Тогда при-

приступилЪ я кЪ дѣвицѣ. Небесная дѣвица! Богиня! вѣщалЪ я запинаясь, и трепеща жалЪ ея руку, и воздыхалЪ. Устрашенная дѣвица потупляла взорЪ свой вЪ землю, со стыдомЪ и умиленїемЪ; ставЪ изнеможенЪ повергся я кЪ ней; вЪ смятенїи дрожащїя губы изображали ей тогда мое неизреченное восхищенїе.

Моя трепещущая рука, играла на тонко покрытой ея груди сЪ нѣжными ея руками предательные забавы; а другая около бѣлой шеи покрытой черными кудрями обвивалась.

 ПотомЪ

Потомъ спустилась рука на дыханіемъ подъемлющуюся грудь, дѣвица воздыхала, и я то ощущалъ, смотрѣла изнемогая въ землю, и съ торопливымъ сопротивленіемъ отреваетъ мою руку отъ подъемлющейся груди; тогда пришедъ въ робость оставилъ я грудь и зыблющуюся побѣду.

О дѣвица! дѣвица! Что я ощущаю! опасаюсь, чтобъ ты на меня легкомысленнаго вѣчныхъ оковъ не наложила!

Но! боги! что вижу я! тамъ въ темной странѣ! сверкаетъ

каетъ пламень, съ пламенемъ сверкающимъ, и хотятъ другъ друга достигнуть, то скачутъ они въ кругѣ, то прелѣтаютъ лѣса̀ и горы, быстро какъ молнiи.

Вы боги! Набожный поселянинъ трепещетъ предъ вами, а дерзновенный мудрецъ именуетъ васъ ругаясь зазженными парами. Явите свою благость являясь въ нощь благотворительны; вы приводите заблуждшаго любовника къ нетерпѣливо ожидающей его любезной; или освѣщаете обоимъ путь, когда они тайныя

рощи посѣщаютъ; или уклоняете отъ пути коварныхъ соглядателей и оставляете оныхъ погрязнуть во блатѣ.

Но, куда вы сокрылись летающія божества! Померкшія мои очи не зрятъ уже болѣе въ темной странѣ никакого сіянія: тамъ виситъ только наподобіе нѣкоего малаго свѣтильника, въ травѣ червячекъ; являетъ слабый свѣтъ, какъ угасающая лампада въ посвященной музамъ храминѣ углубившагося сочинителя, который заснулъ надъ Фоліантомъ, когда между тѣмъ временемъ его

его супруга на брачномЪ пустомЪ ложѣ спитЪ не осторожно. Муза! ты можешь мнѣ сказать, для чего червяки свѣтЪ вЪ своемЪ хребтѣ имѣютЪ, и отЪ чего сїе произошло. ЗевесЪ нѣкогда любилЪ, а сїе дѣлалЪ онЪ часто, нѣкую прекрасную изЪ смертныхЪ дѣвицу; за что Юнона негодовала на него по старинной ревности, кроткимЪ нравамЪ нынѣшнихЪ госпожЪ неизвѣстной, которые сЪ незлобивою усмѣшкою наслаждаются мщенїемЪ тогда, когда господинЪ

сподинъ прокравшись мимо домашней своей богини къ младой служащей дѣвицѣ, сильной свой пламень съ нею утоляетъ. Въ жестокомъ гнѣвѣ и алчнымъ скомъ всѣ стопы его наблюдаетъ. Въ одно время при лунномъ сїянїи, узрѣла она его въ отдаленномъ кустарникѣ, какъ онъ вокругъ груди и згибовъ одежды нѣкоей прекрасной и младой изъ смертныхъ, лѣталъ жукомъ дерзновенно. Тогда съ воскипѣвшимъ гнѣвомъ смотрѣла она долгое время изъ облака на сїе чудное явленїе. Сїе истинно, что жуки любятъ жуковъ,

ковъ, но удивительно, что крылатый червь къ дѣвицѣ любовію воспламеняется; едва изрекла она сіи слова съ исполненнымъ ярости ругательствомъ, уже Зевесъ сталъ Зевесомъ, и устрашенную дѣвицу принялъ въ свои объятія. Чѣмъ онъ прежде былъ, тѣмъ будь нынѣ ты, рекла съ яростію Юнона; внезапу въ отмщеніе супружняго безчестія, дѣвица превратилась въ пресмыкающійся червь; изъ объятій удивленіемъ пораженнаго Юпитера ползла она по колѣнчатомъ лилѣйномъ стеблѣ вверьхъ; а дабы вѣчное

установить сего безславія воспоминовеніе, то взявъ Юнона изъ вечерней зари одинъ лучь, вложила въ ея тѣло, и сей то лучь по всему животныхъ сихъ роду раздѣляется.

Се плаваютъ на изпещренномъ звѣздами небѣ малыя облака: ихъ край есть сіяющее серебро. На серебрянной поверьхности играютъ веселясь маленкіе любовные боги; они низпосылаютъ каплющую росу для прохлажденія розъ имѣющихъ наутріе украсить младую грудь, и для ободренія виградной лозы: коликократно

обое

обое служатъ льстивымъ богамъ!

Но уже блѣднѣютъ облака! По что Луна скрываешься въ темнопрозрачной завѣсѣ. Неужели неможешь ты цѣломудренная! на облакахъ сносить дѣтскїе отъ боговъ игры? или Ендимїонъ нынѣ тебя отзываетъ?

Озари мнѣ путь, кроткая Богиня! Я хочу вытти изъ рощи и видѣть оный холмъ, гдѣ извивающїйся ручей виноградныя лѣторасли осѣняютъ, и на коего далеко простирающемся хребтѣ стоитъ сѣнь,

гдѣ подъемлющіяся лѣторасли въ высокомъ сводѣ гроздіемъ обвѣшенныя, другъ друга объемлютъ; гдѣ я часто въ прохладной тѣнѣ къ зеленой стѣнѣ приклонившись, надъ розами увѣнчанною чашею, пѣлъ съ друзьями пѣсни, кои Гагедорнъ и Глеймъ въ веселіи съ любовными Богами составляютъ.

Тамъ виденъ пріосѣненный ходъ! Тихій зритель бродитъ по темнотѣ въ немъ обитающей; для того что Вакхъ взялъ темный сей переходъ въ свое покровительство.

Часто съ поражающимъ удивленіемъ слышны здѣсь во время тихой нощи піющихъ вино восклицанія, и серебрянный звонъ наполненнаго кубка. Скитающійся странникъ слышитъ сіе, смотритъ, его любопытное око не видитъ ничего; удивленный отступаетъ назадъ, и отходитъ исполненный благоговѣнія.

Здравствуй темная сѣнь! О коль высоко подъемлются лозы гроздіемъ отягощенныя! Коль пріятно при лунномъ сіяніи помаваютъ листвія!

Что

Что шумитъ толь кротко сквозь твои вѣтвія, и перебѣгаетъ съ однѣхъ гроздій на другія! Се Зефиры, и ... повѣрьте Музѣ! и тѣнь будущихъ друзей; благотворящіе Зефиры приносятъ ихъ на умащенныхъ ароматами крыльяхъ; лѣтаютъ съ любовними Богами, собираются на хребты гроздій, веселяся играютъ, и ловятъ другъ друга въ темномъ гроздій лабиринтѣ; а утомясь собираются на вѣтвенное листвіе, или омываются росою въ нѣдрѣ вмѣщающія ихъ розы, или засыпаютъ на гвоздикахъ, и смѣются пробудившись

щись видя что младая дѣвица сорвавъ оныя; на груди своей посадила.

О вы други! вы, которые нынѣ далеко отселѣ лежите сномъ отягощенны; о естьли бы вы были здѣсь! естьли бы я увидѣлъ изъ далека въ тѣнѣ сїяющїй свѣтильникъ, и услышалъ васъ поющихъ! коль спѣшно я устремился бы въ ваши объятїя, и упоенный въ веселїи, присоединилъ бы мой голосъ къ вашимъ восклицанїямъ!

Но я лишаюсь сея утѣхи! Что слышу? Веселая забава и

громкій смѣхъ на холмъ восходяшъ. Можетъ быть идетъ Лїей веселымъ своимъ ликомъ сопровождаемый!

Никакъ! О коликая радость! Васъ вижу я, васъ моихъ друзей! Вы на сей холмъ восходише! Нынѣ возложимъ на главы виноградные вѣнки, сядемъ въ кругъ подъ сѣнію! Кто зачнетъ пѣснь веселую? да раздается звукъ въ сихъ рощахъ, и долины пѣніе сіе долинамъ да разглашаютъ.

Фаунъ теперь въ пещерахъ спящій слышитъ сіе и пробуж-

пробуждается. Удивленный внемлетъ сему пѣнїю, возносится и восклицаетъ.

Фебъ за оною горою въ златой колесницѣ восходящїй обрѣтаетъ еще насъ. Ахъ! (восклицаетъ онъ,) столь я веселъ не бывалъ отъ того времени, какъ паки Фебомъ являюсь! Тогда собираетъ онъ облака, и проливаетъ дождь чрезъ цѣлый мрачный день.

КОНЕЦЪ